

УДК 947.084.6 (571.6)

«...В порядке паспортного режима»: массовые кампании выдворения «неблагонадежных» граждан с Дальнего Востока СССР в 1930-е гг.

Елена Николаевна Чернолуцкая

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Россия
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89

Доктор исторических наук, старший научный сотрудник

Аннотация. В статье на основе анализа архивных опубликованных и неопубликованных материалов, Книг памяти, воспоминаний очевидцев дается обобщающая характеристика массовых принудительных выселений с советского Дальнего Востока, проведенных с целью его социальной «чистки» в качестве превентивной меры обеспечения безопасности. Данные акции не имели этнического характера. Их основным механизмом было придание региону статуса режимной территории и введение паспортных ограничений. Анализируются три кампании, охватившие в общей сложности не менее 150 тыс. чел.: 1) паспортизация населения (1933–1934); 2) выселение семей жертв Большого террора (1937–1939), 3) выдворение т.н. «неблагонадежного» населения Приморского края (1939). Автор приходит к выводу, что они представляли собой специфическую форму массовых сталинских депортаций, в результате которых формировались дискриминированные слои населения.

Ключевые слова: сталинские депортации; советский Дальний Восток.

Введение. Одно из направлений изучения политических репрессий в СССР сталинского периода связано с массовыми принудительными переселениями. В их ряду активное освещение в публикациях получили депортации, проводившиеся в ходе т.н. «зачисток» приграничных территорий страны. Однако чаще всего речь идет о западных границах, в то время как распространенное представление о депортациях с восточных рубежей сводится в основном к принудительному выселению корейцев и китайцев. В массовом же сознании сложился стереотип, что в России неудобных граждан в основном ссылали на Дальний Восток, а не высылали их оттуда. Показательна в этом отношении просьба одного весьма уважаемого экономического журнала, направленная недавно научным сотрудникам нашего института, помочь журналисту (в связи с подготовкой специального материала) разобраться с вопросом, действительно ли значимая часть современного населения Приморского края является потомками ссыльных и заключенных.

Не вдаваясь в подробности данной проблемы, стоит обратить внимание на некорректность такой ее постановки, прежде всего в связи с постоянно высокими миграционными оборотами населения на Дальнем Востоке, в результате которых те самые «потомки» сейчас распылены по всей территории страны. Если же говорить об исходных пластах данного процесса, то в сталинский период в регионе была действительно сосредоточена значительная масса заключенных ИТЛ, чего нельзя сказать о тех, кто в современной научной терминологии обозначен понятием «принудительные мигранты». Проведенные исследования дают возможность с уверенностью сказать, что среди регионов, ставших реципиентами последних, Дальний Восток играл периферийную роль: доля спецпереселенцев, отправленных сюда из других краев, областей и республик в 1930–1950-е гг., не превышала 2–4 % от их общей массы по стране. Более того, в 1930-е гг. преобладающий вектор таких процессов был сориентирован в обратном направлении: в предвоенное десятилетие Дальний Восток подвергался неоднократным социальным «чисткам», проведенным не только по этническому, но и по другим признакам-стигматам «неблагонадежного» населения. В общей сложности было изгнано более 350 тыс. чел., что составляло около 20 % всего населения региона [1].

Поскольку этническая составляющая этого процесса более или менее известна, в данной статье мы ставим цель дать сравнительно-обобщающую характеристику массовых неэтнических выселений из ДВК как репрессивно-дискриминационной меры государства.

Материалы и методы. В основу предлагаемой статьи легли следующие группы источников: 1) документы УНКВД по ДВК о проведении паспортизации 1933–1934 гг. (выявлены в государственных архивах краев и областей Дальнего Востока); 2) документы Управления НКВД по Приморскому краю с материалами о выселении 1939 г., включавшие официальную переписку между центральными и местными органами НКВД и списки-альбомы на выселение граждан с «компроматом» на них, сгруппированные по городам и районам края (ныне находятся на временном хранении в Отделении спецфондов Отдела реабилитации и спецфондов ИЦ УВД по Приморскому краю, введены автором в научный оборот ранее, приводятся по публикациям); 3) Книги Памяти жертв политических репрессий; 4) воспоминания очевидцев, в том числе опубликованные и полученные автором при личных контактах с людьми, бывшими жертвами депортаций, либо их родственниками (переписка, интервью). Наиболее затруднительным было выявление систематизированных сведений о высылке семей т.н. «врагов народа» в 1937–1938 гг. – специфической акции, не имевшей характера сплошной депортационной операции. Сводная отчетная документация о ней в доступных исследователю фондах отсутствует, что заставляло автора пользоваться фрагментарной и косвенной информацией (в том числе статистикой жертв Большого террора на Дальнем Востоке).

В работе применено сочетание хронологического и проблемного подходов, системного, сравнительного, статистического методов. В теоретическом осмыслении исследуемого феномена автор опиралась на концепцию социальной мобильности, с позиции которой сталинские депортации оцениваются как канал нисходящего перемещения в социальной иерархии советского общества. Ее продуктивным современным воплощением в рамках данной проблематики мы считаем концепцию советской модели институциональной маргинальности (С.А. Красильников), т.е. процесса искусственного выталкивания групп населения на периферию социальных отношений, порождаемого и закрепляемого специальной государственной политикой [2]. Региональный подход позволил оценить роль геополитического фактора в политике принудительных миграций на Дальнем Востоке 1930-х гг., когда власть выдвинула на первый план барьерные и фильтрующие функции [3] дальневосточного приграничья.

Обсуждение проблемы. Исторические особенности Дальнего Востока (поздняя советизация, опыт автономии в виде ДВР, тесные иммиграционные, торговые и транспортные связи с ближайшим зарубежьем, в том числе совместная с Китаем до 1935 г. эксплуатация КВЖД, наличие значительного сегмента пенитенциарной системы и др.) повлияли на то, что он виделся руководящим советским органам территорией, основательно засоренной «неблагонадежным» и «опасным» населением. Это обстоятельство накладывалось на специфическое геополитическое положение края. Будучи восточной пограничной окраиной, ДВК в 1930-е гг. стал объектом военных планов со стороны Японии, оккупировавшей к этому времени Корею и Северо-Восточный Китай (Маньчжурию), ареной пограничных инцидентов и активного противоборства советских и японских разведслужб. Именно стратегическое значение региона определило жесткость его социальной «стерилизации», выразившейся в наиболее высокой по стране доле лиц, осужденных по ст. 58 УК [4], и серии насильственных выселений. Среди последних наиболее массовыми и не связанными с этническими стигматами были три, охватившие следующие группы: «отказники» в паспортизации (1933–1934), семьи жертв Большого террора (1937–1939), т.н. «неблагонадежное» население Приморского края (1939). При общей направленности данной политики каждая из акций имела свои специфические особенности в зависимости от задач момента.

Введение единой системы внутренних паспортов СССР и института обязательной прописки, проведенное в 1933–1934 гг., было нацелено на некоторую разгрузку быстрорастущих городов, контролирование и регулирование миграций и трудоустройства. Тогда же с целью «фильтрации» населения в стратегически значимых районах были выделены и т.н. режимные местности – ряд крупных городов, 100–50 км полоса вокруг них и приграничная зона.

В ДВК к осени 1934 г. к разряду режимной была отнесена наиболее населенная территория, где находилось 97 % дальневосточников (нережимными оставались лишь Камчатка и ряд глухих районов Амурской и Нижне-Амурской областей). Право проживания здесь предоставлялось только «лояльным» гражданам: лица, выявленные специальной проверкой как «неблагонадежные» и «социально-опасные», паспорта не получали и

обязаны были выехать. Они-то и составили первый за десятилетие массовый поток принудительно выселенных за пределы края [5] (заметим, что в период «кулацкой ссылки» дальневосточные крестьяне направлялись в спецпоселки внутри региона, а не вовне).

В последующие годы Центр требовал от региональных силовых структур строгого контроля над соблюдением обозначенного режима, что влекло за собой постоянные проверки личных документов у населения, выявление и выдворение нарушителей за пределы режимной зоны, наказание ответственных лиц.

Однако государство не ограничивалась этим, проводя также и особые кампании административных выселений. Их главной целью в преддверии надвигавшейся войны стала «очистка» приграничных территорий от тех категорий, которые могли, по представлениям властных органов, стать «пятой колонной», питательной средой для шпионажа и предательства. Именно в этом ключе были организованы все последующие депортации с Дальнего Востока 1930-х гг., что недвусмысленно прописывалось в соответствующих документах. Так, в директиве Л.П. Берия, полученной 27 марта 1939 г. начальником Приморского управления НКВД М.М. Гвишиани, говорилось: «Ввиду того, что в г. Владивостоке и всем Приморье осело и осталось еще значительное количество всякого рода антисоветского элемента, (...) представляющее собой базу для деятельности японской и других разведок, предлагается немедленно приступить к очистке г. Владивостока и Приморского края...» [6] (для сравнения: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 г. также мотивировало выселение корейцев из ДВК задачей «пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край» [7]).

Целевая специфика кампаний нашла отражение, прежде всего, в категориях «неблагонадежности», которые являлись критериями для выселения. В период паспортизации **1933–1934 гг.** их перечень включал следующие группы (используется терминология документов тех лет): тунеядцы (не занятые общественно-полезным трудом), летуны и дезорганизаторы производства (часто менявшие место работы), лишенцы (лишенные избирательных прав), бежавшие из деревень раскулаченные крестьяне, нарушители границы, бывшие царские офицеры и жандармы, бывшие заключенные и ссыльные и др. [8]; в **1937–1938 гг.:** семьи казненных «врагов народа» в полном составе; в **1939 г.:** кулаки, семьи репрессированных, лица, имевшие близких родственников за границей, прочий антисоветский элемент, белогвардейцы, бывшие харбинцы, участники и пособники контрреволюционных бандитских формирований, лица из уссурийского казачества, в отношении которых имелся компромат, бывшие служащие иностранных фирм, бывшие члены антисоветских политических партий, китайцы и корейцы, оставшиеся в пределах Приморского края после этнических депортаций [9]. Как видим, некоторые экономические мотивы выселения, присутствовавшие в 1933–1934 гг., в дальнейшем прочно уступили место сугубо политическим.

Акции имели отличия также по исполняющим органам и самому механизму выдворения. Во время паспортизации основную роль играли органы милиции: при дальневосточном Управлении РКМ был создан паспортный отдел, где принималось окончательное решение о выдаче паспорта тому или иному лицу и выдавался на руки сам документ. Благонадежность паспортизируемых определяли органы милиции и ОГПУ на основании оперативных материалов, а также информации, поступавшей от местного населения (т.н. «групп содействия»), предприятий, партийных, комсомольских, профсоюзных комитетов и т.д. [10]

Все, кому отказали в выдаче паспорта, обязаны были выехать в 10-дневный срок в любую нережимную местность самостоятельно (в неорганизованном порядке). Никаких средств на компенсацию дорожных и иных расходов, связанных с выездом, государство не выделяло. Более того, все учреждения и предприятия согласно Циркуляру НКТ СССР №11 от 4 февраля 1933 г. увольняли таких работников без выходного пособия по истечении 10 дней со дня отказа в выдаче паспорта [11]. Сроки проведения кампании устанавливались в зависимости от степени «режимности» того или иного района, однако они неоднократно менялись. В конце концов, окончание паспортизации на режимных территориях Дальнего Востока (без Дальстроя, который паспортизировался позже) было определено февралем 1934 г.

Формально данное выселение не подпадало даже под категорию административной высылки, однако его масштабы и принудительный характер ставят эту акцию в одном ряду с

другими депортациями 1930-х гг. К апрелю 1934 г. запрет на проживание в ДВК получили 56 289 чел. (6,6 % от всего населения режимных дальневосточных территорий) [12]. С учетом несовершеннолетних детей общее количество выселенных, на наш взгляд, должно было превысить 100 тыс. чел. (для сравнения: в 1930–1933 гг. в спецпоселки ДВК было выселено 30 тыс. «раскулаченных» крестьян-дальневосточников [13]).

В годы Большого террора список «отказников» был пополнен новой категорией. Печально известный оперативный приказ НКВД СССР № 00447, открывший эту страшную страницу государственного произвола, помимо прочего запрещал семьям расстрелянных граждан проживать в пограничной полосе [14]. В соответствии с политикой Центра 21 июня 1937 г. был издан приказ УНКВД по ДВК № 304739 о выселении с Дальнего Востока («в порядке паспортного режима») семей лиц, осужденных к ВМН за измену родине, шпионаж, вредительство, террор и диверсию. Исполнение приказа превратилось в настоящую депортационную кампанию, хотя она и не имела характера единовременной операции, так как окончательные сроки не устанавливались, и семьи выселялись по мере их попадания в данную категорию («по скользящему графику»). Как и в первом случае, ответственность за организацию выдворения возлагалась на органы милиции, которые получали от УГБ УНКВД письменные задания в соответствии с исполнением приговоров по ст. 58 УК. Затем райотделы РКМ аннулировали у граждан прописку в паспорте и контролировали их фактический выезд за пределы ДВК. По новому месту жительства высылалась информация для органов НКВД о направлявшихся к ним лицах с кратким указанием, за что и к чему приговорены главы семей [15]. В отличие от 1933–1934 гг. отправка выселенцев не была пущена на самотек, а проводилась специальными эшелонами под контролем сотрудников милиции. Людей доставляли на железнодорожную станцию, размещали в теплушках, известных в народе как «скотские вагоны», и по мере продвижения поезда на запад следили, чтобы семьи высаживались в разрешенных местах. Как правило, это были небольшие населенные пункты Сибири [16]. С Сахалина выдворенцев вывозили морем, в ряде приговоров репрессированных по 58-й статье граждан указано место ссылки сахалинских семей – Бурейский (нережимный) район Амурской области [17].

Ввиду отсутствия итоговых отчетных документов в настоящее время сложно установить точное число лиц, пострадавших по этой линии. Если учесть, что в 1937–1938 гг. для Дальнего Востока суммарный «лимит» на расстрел был определен в 25 тыс. чел. [18], то гипотетически высланных из ДВК семей должно было быть менее 25 тыс., так как нередко расстреливали сразу нескольких членов одной семьи или одиноких. Однако, согласно мемуарным источникам, иногда депортировались семьи, арестованные главы которых не были приговорены к ВМН [19], т.е. исполнение директив в этой части не отличалось точностью, что увеличивало масштабы выселения. По самым скромным прикидкам общее по Дальнему Востоку число депортантов данной категории вполне могло превышать 10 тыс. семей (более 40–60 тыс. чел.).

Проведение третьей акции (1939 г.) в отличие от первых двух возлагалось на органы госбезопасности. 31 июля 1939 г. Политбюро приняло постановление «О Приморском крае», которым поручало НКВД СССР провести «очищение» края от «антисоветских, чуждых и подозрительных элементов». Рассматривать материалы и принимать решение о выселении должна была на месте (без утверждения в Москве) комиссия в составе секретаря Приморского крайкома ВКП(б), начальника УНКВД и краевого прокурора. На всю операцию давался двухмесячный срок [20].

Порядок проведения «зачистки» подробно излагался в вышеупомянутой директиве НКВД СССР от 4 августа 1939 г., где данная акция определялась как «выдворение в общем порядке на основании решения СНК и ЦИК СССР от 17 июля 1935 г. и приказов НКВД СССР от 28 декабря 1931 г. и 27 июля 1938 г. “О правилах проживания в режимных и пограничных местностях”». Приморские чекисты совместно с милицией должны были методом привлечения оперативных данных и массового опроса населения собрать компроматериалы и в соответствии с категориями «неблагонадежности» составить списки на выселение, которые утверждала вышеназванная комиссия. Затем каждому главе выдворяемой семьи объявлялось под расписку об аннулировании его права проживать в Приморском крае и 10–15-дневном сроке для подготовки к выезду. Вывоз людей производился железнодорожными эшелонами (те же «скотские вагоны»). Билеты на поезд продавались со скидкой 50 %, а неимущим полностью оплачивались за счет средств НКВД. Выселенцы обязаны были избрать новое место жительства в нережимных местностях Хабаровского края либо к западу

от Иркутска. В случае отказа выезжать санкционировалось выселение под конвоем в соответствии с приказом НКВД СССР от 1 июня 1939 г. К началу декабря 1939 г. краевая комиссия рассмотрела материалы на 7 569 семей, из них к выселению были утверждены 3 953 (14 141 чел.). Такая довольно значительная фильтрация списков была вызвана главным образом тем, что в районах Приморья в результате предыдущих репрессий и депортаций возник острый дефицит рабочей силы [21].

Несмотря на определенные различия в целях и механизмах проведения трех рассмотренных нами депортационных кампаний, всех их объединяет, безусловно, репрессивно-дискриминационный характер в отношении охваченного населения.

Насильственность и неправовой характер самого выдворения дополнялись физическими, материальными и нравственными лишениями, которые нередко усугублялись в результате организационных проблем и дополнительного произвола представителей власти. Во время паспортизации множество отказов в получении паспорта оказались необоснованными, что выявлялось во время проверки жалоб во властные структуры. Переписка по этому поводу между инстанциями иногда длилась месяцами. Через краевой паспортный отдел прошло не менее 4 тыс. жалобщиков, не считая заочных заявлений, из которых свыше половины получили удовлетворительные ответы [22]. Можно предположить, что реальные цифры необоснованных отказов были значительно больше, так как многие «жертвы паспортизации» никуда не обращались по незнанию или из-за боязни.

Мытарства «отказников» осложнялись и таким фактором, как неоднократное расширение списка режимных территорий, что приводило к пересмотру уже оформленных документов, изъятию выданных паспортов. Возникла двойная волна выселений: из режимных городов многие «отказники» переселились в ближайшие сельские районы, которые вскоре также были объявлены режимными и откуда людям пришлось выезжать уже за пределы Дальнего Востока [23]. Напомним, что государство не оказывало никакой материальной поддержки выселяемым. Дорожные расходы становились тяжелой проблемой для малообеспеченных граждан. Но и семьи с относительным достатком, попавшие под двойное переселение, распродав имущество во время первого переезда, оказывались не в состоянии найти средства на второй.

Резкому ухудшению материального положения выселенцев всех трех кампаний способствовали многочисленные случаи злоупотреблений при расчетах за оставляемое имущество. Заинтересованные инстанции скупали у отъезжавших недвижимость, домашнюю живность и другие ценности по заниженной стоимости, а нередко и вовсе оставляли их у себя даром [24].

Серьезными физическими лишениями сопровождался отъезд выселенцев из труднодоступных местностей края. Например, из Сахалинской области их отправляли морем через порт Александровск, куда семьи из отдаленных районов в большинстве случаев шли пешком с котомками и детьми, преодолевая расстояние до 100 км. В порту из-за нерегулярного морского сообщения и при отсутствии помещений им приходилось жить по несколько недель в ожидании парохода. В Тернейском районе (север Приморья) власти в спешном порядке направили 147 крестьянских семей, лишённых права получения паспортов из-за нежелания вступить в колхоз, в бухту Терней, хотя навигация к этому времени уже закончилась. Здесь они ютились под открытым небом более месяца, изнемогая от голода и холода, пока туда не прибыла комиссия из Владивостокского управления милиции и не прекратила беззаконие [25].

Положение семей, депортированных в годы Большого террора, усугублялось тем, что большинство из них по воле государства оказались неполными, перенеся утрату как минимум одного из родителей, что не только являлось психологической драмой, но и создавало большие материальные трудности в связи с потерей кормильца. Тяготы переезда и нового жизнеустройства легли в основном на плечи женщин с детьми на руках. Жалобы на незаконность этой акции не принимались, несмотря на то, что среди выселенных оказались не только семьи лиц, казненных по ст. 58 УК, но и получивших более мягкие приговоры или даже еще не осужденных.

Много таких семей было и среди выселенных в 1939 г. Несмотря на введение льготной оплаты проезда, эта кампания, как и предыдущая, неумолимо обрекала людей на резкое ухудшение материального положения, многих – буквально на нищету. Как показывают воспоминания [26], хотя формально на сборы семьям предоставлялся 10-дневный срок, при депортациях 1937–1938 и 1939 гг. во многих случаях их заставляли собираться в срочном

порядке (давая иногда лишь несколько часов) без возможности продать имущество и собрать вещи в дорогу. Эшелоны двигались на запад медленно, добираясь до пунктов назначения в среднем за две-четыре недели. Невольное путешествие сопровождалось недостатком продуктов, воды, горячей пищи, антисанитарией теплушек, болезнями детей и т.п. На новом месте выселенцам трудно было найти жилье и работу, так как руководители предприятий не хотели связываться с «врагами народа».

В качестве иллюстрации приведем лишь один пример, но он абсолютно типичен. Семью Аркатовых, глава которой был расстрелян в 1938 г., выслали из Приморского края в 1939 г. Самый младший ребенок родился после ареста отца и умер, прожив всего 8 месяцев. Вот что сообщила в письме автору одна из дочерей П.Г. Аркатова-Задорожная: «После смерти маленького сразу вызвали мать и старшую сестру Наташу в НКВД с паспортами. В паспортах стоял знак «единица», что означало “житель ДВК”. Там ее перечеркнули, получился крест, и предупредили, чтобы мы немедленно покинули Приморский край (...). У нас была посажена в поле кукуруза, уже поспела почти, у дома был большой огород с картошкой и овощами (...). Одежда зимняя и осенняя наша осталась, мы выехали в чем есть, с сумкой сухарей. На деньги свои купили три билета на шесть человек. Место жительства нам определили Иркутск, где сможем устроиться (...). В подвале осталось более 20 мешков одной только картошки. Горкомхоз конфисковал у нас все. Дали на руки справку, что это вместо дома и всего нашего (...). У нас была большая семья, поэтому нам и на месте жить было трудно, а как выселили, то совсем невозможно стало (...). Быстро все можно было забрать и пустить нас по миру. Да, в прямом смысле слова по миру я ходила и просила кусочек хлеба или сухарик ...» [27].

Заключение. Принудительные выселения с Дальнего Востока 1930-х гг., осуществленные «в порядке паспортного режима», охватили в общей сложности не менее 150 тыс. чел., что для региона было весьма ощутимо. И это, не считая высланных и сосланных по приговорам судов и ОСО (для сравнения: численность депортированных из ДВК корейцев и китайцев составила 180 тыс.).

Характерными чертами рассмотренных кампаний были массовость, внесудебный характер и контингентность, т.е. все то, что укладывается в понятие «классических» депортаций [28]. Вместе с тем первые имеют некоторую специфику в механизме реализации и правовом статусе пострадавших: в частности, выезд из края «отказников» при паспортизации осуществлялся самотеком без государственного финансирования, во время всех рассмотренных кампаний выселенцы с Дальнего Востока расселялись в новых (нережимных) местах дисперсно, они не попадали в подчинение спецкомендатур, не подвергались принудительному трудоустройству, формально не лишались гражданских прав, имели возможность свободного передвижения вне территорий, откуда были выселены. Объективным следствием таких выселений были пауперизация, маргинализация и территориальное распыление тех групп населения, которых существовавший режим оценивал как «неблагонадежные» или «подозрительные», что, видимо, и было целью власти. Эти особенности позволяют нам выделить одну из форм или подтип массовых сталинских депортаций – административные выселения в рамках реализации погранично-паспортного режима. Они, как и «классические» депортации, являлись неотъемлемым элементом массовых необоснованных политических репрессий, в результате которых формировались дискриминированные слои населения.

Примечания:

1. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг.: Автореф. ... докт. ист. наук. Владивосток, 2012. С. 45–46.
2. Маргиналы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х гг. / Отв. ред. С.А. Красильников, А.А. Шадт. Новосибирск, 2010. 450 с.
3. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 153.
4. Юнге М., Бинер Р. Как террор стал «Большим»: Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИРО-XX, 2003. С. 126.
5. Подробнее см.: Чернолуцкая Е.Н. Паспортизация дальневосточного населения (1933–1934) // *Revue des Etudes Slaves*. Paris, 1999. № LXXI/1. P. 17–33.
6. Цит. по: Чернолуцкая Е.Н. «Очистка» Приморья от «неблагонадежного» населения в 1939 г. как элемент сталинской репрессивной политики // *Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX веке* / Сб. науч. Статей. Владивосток: ДВО РАН, 1999. С. 96.

7. Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М.: МФД; Материк, 2005. С. 83.
8. Попов В.П. Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 4.
9. Чернолуцкая Е.Н. «Очистка» Приморья... С. 96.
10. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 384. Оп. 2. Д. 39. Л. 9; «Совершенно секретно»: из истории Северного Сахалина во второй половине 20-х – первой половине 30-х годов XX столетия: документальные публикации // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск. 1994. №4. С. 148.
11. ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 33. Д. 54. Л. 10.
12. ГАХК. Ф. 384. Оп. 39. Л. 10.
13. Подробнее см.: Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 68.
14. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2002. С. 99–100.
15. «Хотелось бы всех поименно назвать...»: Книга-мартиролог. А-К. Кн.1. Хабаровск, 1997. С. 23.
16. Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области / Сост. Л.М. Журавлев. Т. 3. Благовещенск, 2004. С. 432–433; Т.4. Благовещенск, 2005. С. 439–441; и др.
17. Пашков А.М., Подпечников В.Л. Сахалинская областная Книга Памяти. Т. 12. Возвращенные имена – жертвы политических репрессий. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2003. С. 46, 60, 93, 100 и др.; Пашков А.М., Подпечников В.Л. Сахалинская областная Книга Памяти. Т. 19. Возвращенные имена – жертвы политических репрессий и депортаций. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2005. С. 19, 21, 37, 48, 65 и др.
18. Юнге М., Бинер Р. Как террор стал «Большим»... С. 126.
19. Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области... Т. 3. С. 447–448; Т. 4. С. 439–441.
20. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2006. С. 115.
21. Подробнее см.: Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 296–312.
22. ГАХК. Ф. 384. Оп. 2. Д. 39. Л. 18–19; «Совершенно секретно»... С. 99.
23. ГАХК. Ф. 384. Оп. 2. Д. 39. Л. 4.
24. ГАСО (Государственный архив Сахалинской области). Ф. 53. Оп. 1. Д. 34. Л. 30; ГАХК. Ф. 384. Оп. 2. Д. 39. Л. 17; Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т. 6. Благовещенск: Приамурье, 2008. С. 474–475.
25. «Совершенно секретно...»... С. 149–150; Ходасевич А. Отблеск истории: книга очерков о советской милиции. Хабаровск, 1993. С. 151.
26. Письма лиц, выселенных с семьями из Приморского края в 1939 г., М.А. Дыги, Л.В. Ковтуна, Т.П. Гречкиной // Личный архив автора; Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области... Т. 3. С. 432–433, 447–448. То же. Т. 4. С. 439–441; и др.
27. Письмо П.Г. Аркатовой-Задорожной // Личный архив автора.
28. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ – Мемориал, 2001. С. 12.

Транслитерация:

1. Chernolutskaya E.N. Prinuditel'nye migratsii na sovetskom Dal'nem Vostoke v 1920–1950-e gg.: Avtoref. ... dokt. ist. nauk. Vladivostok, 2012. S. 45–46.
2. Marginaly v sovetskom sotsiume. 1930-e – seredina 1950-kh gg. / Otv. red. S.A. Krasil'nikov, A.A. Shadt. Novosibirsk, 2010. 450 s.
3. Turovskii R.F. Politicheskaya regionalistika. M.: Izdat. dom GU VShE, 2006. S. 153.
4. Yunge M., Biner R. Kak terror stal «Bol'shim»: Sekretnyi prikaz № 00447 i tekhnologiya ego ispolneniya. M.: AIRO-KhKh, 2003. S. 126.
5. Podrobnnee sm.: Chernolutskaya E.N. Paspportizatsiya dal'nevostochnogo naseleniya (1933–1934) // Revue des Etudes Slaves. Paris, 1999. № LXXI/1. P. 17–33.
6. Tsit. po: Chernolutskaya E.N. «Ochistka» Primor'ya ot «neblagonadezhnogo» naseleniya v 1939 g. kak element stalinskoi repressivnoi politiki // Voprosy sotsial'no-demograficheskoi istorii Dal'nego Vostoka v KhKh veke / Sb. nauch. Statei. Vladivostok: DVO RAN, 1999. S. 96.
7. Stalinskie deportatsii. 1928–1953 / Pod obshch. red. akad. A.N. Yakovleva; sost. N.L. Pobol', P.M. Polyana. M.: MFD: Materik, 2005. S. 83.
8. Popov V.P. Paspportnaya sistema v SSSR (1932–1976 gg.) // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1995. № 8. S. 4.
9. Chernolutskaya E.N. «Ochistka» Primor'ya... S. 96.

10. GAKhK (Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraia). F. 384. Op. 2. D. 39. L. 9; «Sovershenno sekretno»: iz istorii Severnogo Sakhalina vo vtoroi polovine 20-kh – pervoi polovine 30-kh godov XX stoletiya: dokumental'nye publikatsii // Kraevedcheskii byulleten'. Yuzhno-Sakhalinsk. 1994. №4. S. 148.
11. GARF. F. R-5515. Op. 33. D. 54. L. 10.
12. GAKhK. F. 384. Op. 39. L. 10.
13. Podrobnее sm.: Chernolutskaia E.N. Prinuditel'nye migratsii na sovetskom Dal'nem Vostoke v 1920–1950-e gg. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. S. 68.
14. GULAG: Glavnoe upravlenie lagerei. 1918–1960 / Pod red. A.N. Yakovleva; sost. A.I. Kokurin, N.V. Petrov. M.: MFD, 2002. S. 99–100.
15. «Khotelos' by vsekh poimennenno nazvat'...»: Kniga-martirolog. A-K. Kn.1. Khabarovsk, 1997. S. 23.
16. Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressii Amurskoi oblasti / Sost. L.M. Zhuravlev. T. 3. Blagoveshchensk, 2004. S. 432–433; T.4. Blagoveshchensk, 2005. S. 439–441; i dr.
17. Pashkov A.M., Podpechnikov V.L. Sakhalinskaya oblastnaya Kniga Pamyati. T. 12. Vozvrashchennye imena – zhertvy politicheskikh repressii. Yuzhno-Sakhalinsk: Lukomor'e, 2003. S. 46, 60, 93, 100 i dr.; Pashkov A.M., Podpechnikov V.L. Sakhalinskaya oblastnaya Kniga Pamyati. T. 19. Vozvrashchennye imena – zhertvy politicheskikh repressii i deportatsii. Yuzhno-Sakhalinsk: Lukomor'e, 2005. S. 19, 21, 37, 48, 65 i dr.
18. Yunge M., Biner R. Kak terror stal «Bol'shim»... S. 126.
19. Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressii Amurskoi oblasti... T. 3. S. 447–448; T. 4. S. 439–441.
20. Lubyanka. Stalin i NKVD-NKGB-GUKR «Smersh». 1939 – mart 1946 / Arkhiv Stalina. Dokumenty vysshikh organov partiinoi i gosudarstvennoi vlasti / Pod red. akad. A.N. Yakovleva; sost. V.N. Khaustov, V.P. Naumov, N.S. Plotnikova. M.: MFD, 2006. S. 115.
21. Podrobnее sm.: Chernolutskaia E.N. Prinuditel'nye migratsii na sovetskom Dal'nem Vostoke v 1920–1950-e gg. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. S. 296–312.
22. GAKhK. F. 384. Op. 2. D. 39. L. 18–19; «Sovershenno sekretno»... S. 99.
23. GAKhK. F. 384. Op. 2. D. 39. L. 4.
24. GASO (Gosudarstvennyi arkhiv Sakhalinskoi oblasti). F. 53. Op. 1. D. 34. L. 30; GAKhK. F. 384. Op. 2. D. 39. L. 17; Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressii Amurskoi oblasti. T. 6. Blagoveshchensk: Priamur'e, 2008. S. 474–475.
25. «Sovershenno sekretno...»... S. 149–150; Khodasevich A. Otblesk istorii: kniga ocherkov o sovetskoj militsii. Khabarovsk, 1993. S. 151.
26. Pis'ma lits, vyseleennykh s sem'yami iz Primorskogo kraia v 1939 g., – M.A. Dygi, L.V. Kovtuna, T.P. Grechkinoi // Lichnyi arkhiv avtora; Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressii Amurskoi oblasti... T. 3. S. 432–433, 447–448. To zhe. T. 4. S. 439–441; i dr.
27. Pis'mo P.G. Arkatovoi-Zadorozhnoi // Lichnyi arkhiv avtora.
28. Polyani P.M. Ne po svoei vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsii v SSSR. M.: OGI – Memorial, 2001. S. 12.

UDC 947.084.6 (571.6)

«...In Accordance with Passport Regulations»: Mass Expulsion of «Insecure» Citizens from the Far East of the USSR in 1930s

Elena N. Chernolutskaia

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of RAS, Russia
Pushkinskaya str., 89, Vladivostok, 690001
Dr. (History), senior scientific researcher

Abstract. The article, basing on the analysis of the archive published and unpublished data, books of condolence, witnesses' recollections, presents extended characteristics of mass compulsory expulsions from the Soviet Far East, realized in order to “houseclean” as a preventive security measure. Such acts were not ethnical in nature. Their aim was to grant region the status of secure territory and introduce passport limitations. Three campaigns, involving not less than 150 thousand people in total: 1) population passportization (1933–1934); 2) expulsion of families of the victims of Bolshoi Terror (1937–1939), 3) expulsion of the so-called «insecure» population of the Primorsky Region (1939) was analyzed. The author concludes that they had the form of Stalin's mass deportations, aimed at the formation of discriminated social groups.

Keywords: Stalin's deportations; Soviet Far East.